

Коврижных Олеся Анатольевна

кандидат философских наук, доцент
Забайкальского государственного университета

ТЕРРОРИЗМ КАК ПРОТЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ФОРМА ПОИСКА ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация:

В статье рассматриваются различные определения терроризма, определяется его сущность как протестного поведения, дается его описание как формы поиска идентичности. Отмечено, что радикальный исламизм и терроризм чаще всего представляют собой протестное поведение молодых мусульман, вызванное рядом социальных, политических и экономических факторов, осуществляемое под прикрытием религиозных лозунгов ведения «священной войны» (джихада). Сделан вывод о том, что глобальная проблема международного терроризма тесным образом связана с поиском идентичности исламского общества. Преодоление данного кризиса идентичности возможно только через изменение социально-экономических, политических и культурных условий жизни мусульман.

Ключевые слова:

террористическая организация, кризис идентичности, протестное поведение, глобализация, радикальный исламизм, фундаментализм, духовный вакуум, депривация, тоталитарная религиозная секта, террористический лидер.

Kovrizhnykh Olesya Anatolyevna

PhD in Philosophy, Assistant Professor,
Trans-Baikal State University

TERRORISM AS PROTEST BEHAVIOUR AND A FORM OF IDENTITY SEARCH

Summary:

The article discusses various definitions of terrorism, assesses its essence as protest behaviour, describes it as a form of identity search. The author notes that the radical Islamism and terrorism are most often the protest behaviour of young Muslims, caused by a number of social, political and economic factors, manifested under the cover of religious slogans of the "holy war" (jihad). It is concluded that the global problem of international terrorism is closely connected with the search for identity of an Islamic society. Overcoming this identity crisis is possible only through the change of socio-economic, political and cultural conditions of Muslims' life.

Keywords:

terrorist organizations, identity crisis, protest behaviour, globalization, radical Islamism, fundamentalism, cultural vacuum, deprivation, totalitarian religious sect, terrorist leader.

В условиях ускоряющихся темпов глобализации международный терроризм уже давно является глобальной проблемой человечества. Однако мир впервые борется с терроризмом и радикальным исламизмом на уровне создания коалиций государств против терроризма. Террористические организации представляют собой криминальные транснациональные корпорации, владеющие огромными финансовыми ресурсами и материальной базой (например, «Аль-Каида», «Исламское государство») (деятельность данной организации запрещена в России) и др.).

Рассмотрим несколько подходов к определению понятия «терроризм». Американский ученый Ф.М. Мохаддам характеризует терроризм как «политически мотивированное насилие, совершаемое индивидами, группами или агентами, спонсируемыми государством, с целью создания атмосферы террора и беспомощности у гражданского населения, чтобы повлиять на принятие решения и изменить поведение» [1, с. 21]. В данном определении речь идет скорее о государственном терроризме, где главную роль заказчика играет государство со специально созданным карательным аппаратом. Однако международный терроризм является чаще всего оппозиционным, спонсируется и тайно поддерживается главами некоторых государств с целью борьбы за власть и решения других политических задач.

В статье «Россия в гибридной войне», опубликованной в журнале «Стратегия России», находим другую точку зрения на феномен терроризма: «Терроризм как явление – одно из изобретений гибридных войн, ориентированное на ослабление государства путем разрушения нравственного уклада социума до состояния хаоса. Понятия терроризма и управляемого хаоса внутренне едины и вписываются в концепцию гибридных войн как разные этапы процесса подчинения своей воле» [2, с. 61]. Гибридные войны – это прежде всего информационные войны, дипломатические провокации между государствами, формы которых чрезвычайно многообразны. Безусловно, терроризм как феномен тесно связан с понятием гибридных войн. О.Н. Яницкий трактует терроризм как «не только разрушительное социальное действие, но и идеологический инструмент завоевания и утверждения мирового господства» [3, с. 34].

На наш взгляд, терроризм представляет собой политическое насилие, целью которого является борьба за власть, сферы влияния и ресурсы, где террор выступает одним из главных

методов ведения этой борьбы. Особенности современного терроризма представляются его наднациональный, сетевой характер и религиозная оболочка завуалированных четких прагматичных целей и политических задач.

Главная идеологическая цель террористической организации «Исламского государства», как объективно отмечает российский исследователь А.В. Манойло, – это «создание квазигосударственного образования “всемирный исламский халифат”, копирующего мусульманские авторитарии Средневековья и живущего по средневековым канонам» [4, с. 51]. Он считает, что основой идеологии ИГИЛ является идеал справедливости, где нет сословных барьеров и существует общество равных возможностей. Действительно, агитаторы террористов с помощью пропаганды манипулируют сознанием молодых мусульман и вербуют их в мечетях и через Интернет. Однако не только мусульмане вступают в террористические организации – идеал героизма и легкого пути обогащения привлекает молодых людей из разных уголков мира, придерживающихся других вероисповеданий в том числе. Наемники из США, государств Евросоюза, СНГ и других стран составляют значительную часть армии террористов.

Среди разных террористических движений нет ни религиозного, ни структурного, ни идеологического единства. Так, движение «Талибан» готово воевать как с внутренними, так и внешними врагами. Внешние враги – это иностранные контингенты войск на территории Ирака, где идеи патриотизма и всемирного джихада переплетаются между собой. «Аль-Каидой» ведется борьба против неверных и иностранных колонизаторов (американцев, европейцев) и «признается верховенство новых форм квазигосударственных образований – глобальных политических, экстремистских, террористических сетей» [5, с. 56]. Террористическая группировка «Братья-мусульмане» претендует как минимум на управление через своих агентов политикой других государств и завоевание власти, как максимум – на мировое господство всех радикально настроенных мусульман.

Радикальный исламизм и терроризм представляют собой чаще всего протестное поведение молодых мусульман, вызванное рядом социальных, политических и экономических факторов, действующих под прикрытием религиозных лозунгов ведения «священной войны» (джихада). Но прежде всего терроризм как феномен связан с кризисом идентичности исламского общества.

Авторитарные восточные режимы с традиционными ценностями ислама столкнулись с феноменом потребительской культуры и западными стандартами жизни и потребления. В первую очередь это проявилось через пропаганду СМИ западных ценностей и образа жизни: «Молодые люди в исламских сообществах увидели, какой может быть жизнь – широкие возможности для образования, товары широкого потребления, а также социальные и политические свободы» [6, с. 36]. Социальные ожидания и потребности мусульманской молодежи не совпадают со строгими нормами шариата. В итоге в исламском обществе формируется образ «врага» (например, американцев или европейцев как сторонников западного стиля жизни). Террористы-смертники готовы пожертвовать своей жизнью ради уничтожения этого «врага» и верят, что попадут в рай. «В течение веков мусульманский мир дремал, погруженный в левантийскую спячку, несмотря на то что в его священной книге Коране содержатся все те воинствующие призывы в отношении неверных..., которые теперь... всплыли в сознании и начали реализовываться с безумным фанатизмом. На самом деле они всплыли... вследствие давления на смысл жизни и навязывания нового, в котором <мусульманский мир> если не разумом, то интуицией чувствует фальшь» [7, с. 80]. Проблема кризиса идентичности тесно связана с проблемой поиска смысла жизни, что приводит к протестному поведению и терроризму.

Исламские общества переживают огромную культурную экспансию, особенно с Запада, оказывающую существенное воздействие на формирование элементов культуры исламского мира, включая фильмы, музыку, одежду, архитектуру, технологии, а также систему образования, ценности, убеждения, мораль и модели гендерных ролей [8, с. 59].

Следовательно, терроризм характеризуется высоким уровнем риска и протестного потенциала. Совокупность следующих факторов выступает катализатором или первопричиной активизации деятельности международных террористических организаций: борьба за ресурсы, стремление к справедливости и протестная борьба, чувства депривации, несправедливости и, как результат, принятие идеи служения великой цели (создание арабского халифата), кризис морально-нравственных установок религиозных ценностей, проявляющийся как кризис социокультурной идентичности, который охватил весь исламский мир.

Социальная идентичность человека может изменяться в зависимости от меняющихся условий и его социальных ожиданий. «Идентичность – это более динамичное и гибкое образование личности, изменяющееся вместе с культурным контекстом» [9, с. 25]. Например, под влиянием деструктивных «групповых норм» обычные люди могут становиться экстремистами. Феномен группового мышления (доминирование мнения большинства) играет при этом важную роль.

Данный феномен заключается в принятии важных решений группой людей, где, в сущности, исключается критика друг друга, отключается индивидуальное сознание и доминируют коллективистские ценности и нормы. Особенно это характерно для групп, чья деятельность является закрытой, тайной и секретной. Например, в террористических организациях велико влияние авторитарного лидера, чем обусловлено беспрекословное подчинение других членов его приказам.

Как отмечает Ф.М. Мохаддам, для достижения человеком в течение жизни подлинной идентичности должны выполняться три условия [10, с. 43]:

1. Для развития подлинной идентичности на индивидуальном уровне она должна быть достигнута сначала на групповом уровне. Можно согласиться с этой точкой зрения, так как индивид – это биосоциальное существо. Без социального окружения, семьи невозможна полноценная социализация в свой этнос, в свою религию и общество в целом. Именно через социализацию происходит процесс самоидентификации.

2. Основным источником идентичности должен находиться внутри группы, к которой принадлежит индивид, а не во внешней группе, к которой индивид не принадлежит. В данном случае, по мнению автора, источником идентичности является власть, которая определяет цели, ценности, традиции и стереотипы. Кроме этого источника идентичности следует отметить семью как важнейший институт общества, социальное окружение, прежде всего свой этнос, религию, образовательные учреждения, СМИ и, безусловно, государственную политику. В мусульманском мире как раз и наблюдается замена внутренних источников идентичности на внешние (например, западные образцы потребительской культуры очень сильно воздействуют на мусульманскую молодежь, при этом частично утрачиваются национальные традиции, этический кодекс поведения по нормам шариата). Следствием этого и является кризис идентичности в исламской культуре.

3. Третье условие, или требование, обеспечивающее формирование подлинной идентичности, состоит в необходимости сохранения определенного своеобразия, с которым связано положительное самовосприятие человека.

Таким образом, социальная идентичность формируется за счет чувства принадлежности к этносу, религии, традициям, истории своей нации, морально-нравственного кодекса поведения. Человеку свойственно соотносить себя с территорией своего проживания: городом, регионом, государством. Причем локальный уровень идентичности важнее глобального для каждого человека. Исламские сообщества сталкиваются с угрозой подавления своей национальной и религиозной идентичности, особенно в контексте групп меньшинств. Действительно, категория идентичности мусульманина в процессе глобализации подвергается влиянию процессов унификации, американизации и вестернизации.

Безусловно, борьба с терроризмом является борьбой за идентичность – социальную, этническую, религиозную и духовную в целом. Принадлежность человека к террористической организации представляется следствием образовавшегося вакуума (этнического, религиозного, культурного, нравственного). Стремление копировать западные образцы поведения, стиль жизни и реальные жизненные условия исламской молодежи создает этот вакуум. Духовный вакуум обозначает кризис социальной, национально-культурной идентичности. Он характеризуется чувством безысходности, страха, тревоги, исторической обреченности и потерянности человека как личности в огромном мире. Исламский фундаментализм как альтернатива копированию западных образцов стандарта жизни наиболее ускоренными темпами заполняет духовный вакуум, наполняя его радикальными лозунгами и религиозными смыслами. В современном исламском мире сейчас нет идейных вдохновителей молодого поколения, способных предложить национальную светскую идею или религиозную доктрину, востребованную молодежью.

Однако даже в таких условиях духовного кризиса ислама и поиска идентичности не все мусульмане становятся террористами, лишь единицы индивидов поднимаются по «лестнице терроризма» (термин Ф.М. Мохаддама). «Лестница терроризма» предполагает трансформацию идентичности личности, которая происходит постепенно в течение нескольких жизненных этапов. На первом уровне формируется как коллективная, так и личностная идентичность, где условия для всех людей одинаковые. Но, продвигаясь все выше на пути к терроризму, человек будет видеть все больше «закрытых дверей» и находить меньше возможностей для самореализации и формирования своей идентичности. Базовый уровень отличается постоянной неудовлетворенностью молодых мусульман жизнью в исламском обществе. Негативные социальные условия, чувство несправедливости, подавление гражданских и политических свобод будут способствовать вступлению человека на путь продвижения по ступеням «лестницы терроризма», скорость которого зависит как от психологических особенностей индивида и степени вовлеченности его в террористическую организацию, так и от культурных отличий людей.

Причины вступления в террористические группировки могут быть разными (религиозные, политические, протестные, националистические, экономические и др.). Психологический фактор

оценки субъективного понимания своего места в жизни является наиболее значимым. Жизненные стандарты западной потребительской культуры, демонстрируемые через СМИ, не совпадают с уровнем и качеством жизни, моральными правилами исламского общества. Агрессия находит отражение в протестных настроениях, которые сразу подавляют диктаторские авторитарные режимы восточных арабских государств, при этом создается образ внешнего врага (иностранных сил). Но все эти причины начинают действовать в условиях мощной агитационной сети и пропаганды организаторов террористических движений.

После вербовки человека в террористическую сеть практически невозможно вернуть его в нормальные социальные условия. Он теряет свою идентичность, его сознание наполняется новыми антигуманными ценностями, религиозными лозунгами, идеями о справедливости. Постепенно личность утрачивает свою идентичность, культурный код и становится управляемым индивидом, террористом, орудием террористических актов. Индивида привлекает сама принадлежность к террористической организации, так как в ней он видит путь для социальной мобильности, улучшения материальных возможностей, проявления своих протестных настроений и жажды мести, обретения своего «я» в новом коллективе, а также способ моральной поддержки своей религии в радикальной форме.

Психологически новобранец завершает принятие идентичности террориста и процесс погружения в мир жестокого категориального мышления на основе принципов «мы против них» и «убить или быть убитым» [11, с. 128]. Новые люди, вступившие на путь терроризма, убеждены, что мир несправедлив и порочен. Они являются участниками «великой миссии» очищения общества от грехов, зла и лжи. Только путем правильной борьбы за справедливость и насилия можно добиться поставленных целей. Мифологическое мышление террористов заключается в субъективном восприятии мира как объективной реальности. Мифы террористов направлены на оправдание террористических действий и системы радикальных религиозных ценностей.

Ф.М. Мохаддам отмечает, что на втором и третьем уровнях «лестницы терроризма» механизмы торможения агрессии у террористов не действуют вследствие влияния общих моральных обязательств выполнить свою цель до конца. Они четко разделяют свой социальный мир на «мы» и «они». Когда индивид достигает четвертого или более высокого уровня «лестницы терроризма», влияние социальных условий (давление террористической организации) настолько сильно, что пути назад практически нет.

Совершая террористический акт, находясь на самой вершине «лестницы терроризма», его организаторы пытаются показать слабость властей, неспособность полиции и правительства в целом контролировать ситуацию и обеспечить безопасность граждан. Террористы искусственно создают атмосферу страха, постоянной угрозы, тревоги в обществе, хаоса и беспомощности мирного населения с целью поднять авторитет своей террористической организации как мощного и глобального игрока в мировом процессе.

Внутри террористических организаций, безусловно, есть определенная иерархия, структура: прежде всего это деление на лидеров и рядовых солдат. Более подробно структуру данных организаций описывает Ф.М. Мохаддам. Он называет следующие основные социальные роли террористов в группе: источник вдохновения (религиозный лидер или духовный наставник), стратег, связник, эксперт, руководитель ячейки, местный агитатор, рядовой член локальной ячейки, «пушечное мясо» и «продюсер», то есть человек, занимающийся поиском ресурсов для функционирования организации [12, с. 132]. Они могут совмещать или менять свои роли (например, приобретая новые знания или навыки минера, снайпера и т. д.).

Террористические организации имеют схожие черты с тоталитарными религиозными сектами: тайный характер деятельности, массовая вербовка новых членов, формируемый образ лидера как посредника «Бога», то есть создается в миниатюре культ личности лидера, где его приказы и распоряжения даже не обсуждаются, а только выполняются, что обусловлено религиозным авторитетом лидера. Однако цели террористической организации и любой тоталитарной секты, а также методы их осуществления кардинально разнятся. Террористические движения преследуют, как уже отмечалось, политические, экономические и религиозные цели. Тоталитарные религиозные секты не используют террор как метод борьбы. Они являются площадками манипулирования общественным сознанием с целью обогащения, управления людьми, религиозного порабощения и подчинения индивидов. При этом агитация и пропаганда, гипноз, нейролингвистическое программирование успешно применяются при вербовке новых религиозных членов. Важную роль в этих двух разных категориях организаций, безусловно, играют духовные лидеры.

Примером религиозного авторитета до сих пор служит личность террористического лидера Усамы бен Ладена, идеи которого уже после его смерти стали программой для активизации террористических ячеек по всему миру. Такие лидеры при жизни посредством современных СМИ, прежде всего Интернета, стараются стать максимально публичными и узнаваемыми

людьми для расширения своего влияния и вербовки новых последователей. Они являются опытными стратегами, лидерами и духовными вдохновителями новой религиозной доктрины или ориентированы на возвращение к истокам, утраченным религиозным ценностям (радикальные течения ислама). Отличительными чертами стратега являются отстраненность, независимость, бесстрастность и способность разрабатывать планы и давать ответы, иногда приводящие к огромным жертвам, без какой-либо эмоциональной вовлеченности в процесс осуществления операций или их исход [13, с. 135].

Если рассматривать идеологию и цели нескольких крупных террористических организаций, то можно найти отличия между ними. Например, внутри движения «Талибан» нет единства, особенно в кадровом составе. «Талибан» переживает поколенческий кризис, в нем явно присутствуют три различных поколения лидеров, и они придерживаются разных ценностей и взглядов на мир [14, с. 54].

Подчеркнем, что люди, которые становятся террористами, принимают мораль терроризма как часть своей личной идентичности. Происходит действительно трансформация своего «я» и подмена истинных духовных, нравственных установок, традиционных религиозных ценностей на навязанные «извне» террористическими лидерами, радикальными постулатами исламизма.

В ответ на внутренний кризис ислама появляется агрессия у молодых мусульман. Они не находят ответы на новые вопросы и вызовы глобализации. При условии внешнего вмешательства иностранных государств эта агрессия замещается открытыми действиями сопротивления либо тайным вступлением в террористические организации. Таким образом они придают своей жизни новый смысл, исключая чувство безысходности, которое нарастает в неблагоприятных социально-экономических условиях (бедность, безработица, военные конфликты). Невозможность изменить социальный порядок своего мира заставляет молодых людей искать новые формы борьбы. Терроризм становится «привлекательным убежищем» для выражения негативных массовых настроений и легким путем обогащения. У маргинальных слоев зарождается надежда преодолеть «ничтожность своего бытия, бессмысленность существования» через вовлечение в терроризм. При этом категория смерти служит философским ключом к новой виртуальной реальности или загробной жизни, где нет несправедливости, лжи, насилия, бедности и войн, где человек почувствует себя в раю полноценной личностью, что ему не удавалось в реальной жизни. Именно такие желания и мысли приобретают радикальный характер. Религиозные лидеры позволяют будущим террористам-смертникам преодолеть страх смерти.

Интересна точка зрения Н.Г. Козина, высказанная им в статье «Вызов или ответ ислама?». Он считает, что вызов Запада «...заключается в том, чтобы под завесой либеральных лозунгов демократии и свободы осуществить если не слом, то далеко идущую эрозию исламского и культурного идентитета в современном мире. Речь идет о навязывании глубокой идентификационной мутации исламскому миру, от которого требуется непосильная жертва: во имя ценностей либерализма отказаться от базовых структур своей исторической, культурной и духовной идентичности – политическое кредо поставить впереди культуры и религии» [15, с. 47]. Можно согласиться с данным автором, что культура и религия первичны по отношению к политике. Именно они создают основу идентичности любого этноса и цивилизации в целом. Однако необходимо признать факт жесткой консервативности исламской религии и культуры в целом. А главное – нежелание ее представителей адаптироваться, вести культурный диалог, взаимообогащаться. В итоге все, кто сопротивляется и протестует против достижений западной культуры и феномена потребительской культуры, готовы принимать радикальный исламизм и использовать насилие и террористические методы борьбы. Диалог культур возможен только в процессе аккультурации и взаимообогащения этносов, религий. При этом важной задачей остается сохранение каждым народом своих самобытных черт национальной культуры и религии.

В политических режимах восточных государств (Египет, Ирак, Иран, Сирия и др.) любая оппозиция и протестное поведение граждан подавляется с применением политического насилия, что провоцирует новые террористические акты. Вследствие этого мечеть в исламском мире является почти единственным местом для выражения несогласия, протестных настроений и формирования своей культурной и религиозной идентичности. Как отмечает Ф.М. Мохаддам, «в исламских обществах есть два доступных способа для конструирования идентичности: первый – копирование западных образцов с отсутствием аутентичности, второй – фундаменталистские интерпретации ислама» [16, с. 60]. Третьего пути нет, так как в этих государствах нет политического плюрализма, независимых СМИ и реализации подлинных гражданских прав и свобод.

Таким образом, авторитарные лидеры и доминирующие групповые нормы радикального исламизма диктуют поведение людей в закрытых террористических организациях. Внутри них у людей нет свободы воли и права выбора. Следовательно, у террориста нет пути назад, он жертвует

своей жизнью ради «великой цели» или религиозного идеала. Необходимо признать, что суицидальный терроризм является рациональной стратегией, принимаемой воюющими группами, когда имеются крайне ограниченные ресурсы для ведения войны против более сильного соперника. Террористы-смертники представляют собой «управляемые снаряды» слабых армий [17, с. 160].

Поддержка светской оппозиции и демократии ослабляет терроризм в государствах. При этом диктаторские режимы часто тесно связаны с террористическими организациями. Действительно, поддержка США и государствами Западной Европы авторитарных режимов на Ближнем и Среднем Востоке способствует активизации и развитию терроризма. Кризис идентичности приводит к быстрому распространению исламского фундаментализма в мире.

В качестве вывода необходимо отметить, что терроризм как феномен тесно сопряжен с социально-экономическими, политическими и духовными, религиозными условиями жизни людей. Следовательно, глобальная проблема борьбы с международным терроризмом – это проблема поиска идентичности исламского общества, а также преодоление данного кризиса через изменение социально-экономических, политических и культурных условий жизни мусульман, становление демократического общества в восточных государствах с условием сохранения их культурных и религиозных национальных черт, отказ от авторитарного стиля управления, политический плюрализм, признание прав женщин и соблюдение основных прав и свобод граждан при поддержке светской оппозиции. Создание именно этих условий позволит преодолеть кризис идентичности, который активизирует действие исламского радикального фундаментализма и терроризма.

Ссылки:

1. Мохаддам Ф.М. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. М., 2011.
2. Сабинин В., Кизилов Г. Россия в гибридной войне // Стратегия России. 2016. № 3. С. 57–70.
3. Яницкий О.Н. Идеология и сеть // Власть. 2016. № 1. С. 31–35.
4. Манойло А.В. «Мягкая сила» террористов // Стратегия России. 2016. № 5. С. 51–60.
5. Там же. С. 56.
6. Мохаддам Ф.М. Указ. соч. С. 36.
7. Воин А.М. О смысле жизни и глобальном кризисе // Стратегия России. 2016. № 3. С. 71–80.
8. Мохаддам Ф.М. Указ. соч. С. 59.
9. Там же. С. 25.
10. Там же. С. 43.
11. Там же. С. 128.
12. Там же. С. 132.
13. Там же. С. 135.
14. Манойло А.В. Указ. соч. С. 54.
15. Козин Н.Г. Вызов или ответ исламу? // Стратегия России. 2013. № 7. С. 41–49.
16. Мохаддам Ф.М. Указ. соч. С. 60.
17. Там же. С. 160.

References:

- Kozin, NG 2013, 'Call or Islam answer?', *Strategiya Rossii*, no. 7, pp. 41-49, (in Russian).
Manoilov, AV 2016, "'Soft power" of terrorists', *Strategiya Rossii*, no. 5, pp. 51-60, (in Russian).
Mohaddam, FM 2011, *Terrorism in terms of the terrorists: they are experiencing and thinking and why turn to violence*, Moscow, (in Russian).
Sabinin, V & Kizilov, G 2016, 'Russian in a hybrid war', *Strategiya Rossii*, no. 3, pp. 57-70, (in Russian).
Voin, AM 2016, 'About the meaning of life and the global crisis', *Strategiya Rossii*, no. 3, pp. 71-80, (in Russian).
Yanitskiy, ON 2016, 'Ideology and Network', *Vlast'*, no. 1. pp. 31-35, (in Russian).